

*Посвящается всем,
чье сердце хотя бы раз в жизни
разбивалось вдребезги*

ГЛАВА 1

ОНА

Говорят, что в горьких воспоминаниях, которые мы называем прошлым, заключается часть нашего настоящего. И вряд ли в мире найдется способ изменить это.

Мне не удастся сомкнуть глаз этой ночью — впрочем, как и во все предыдущие ночи. За окном завывает ветер, ветки голых кустов бьют по фасаду, издавая противный скрежет. Тени на потолке отчеканивают хаотичный танец, в котором путаются друг с другом, словно отплясывая старинную кадрили.

Поворачиваю голову, чтобы взглянуть на часы. Электронные пиксели, высвечивающиеся на экране, показывают два часа ночи. Тяжело вздыхаю, поправляя пуховое одеяло на груди и ерзая головой по подушке. Снова пытаюсь уснуть, но понимаю, что сегодня в очередной раз потерплю провал в своих грандиозных планах на сон. С трудом проглатываю тягучую слюну, которая дерет глотку и кончик язычка, вставая комом в горле.

Телефон раздражительно жужжит на прикроватной тумбе, и я нехотя поднимаю его. На экране высвечивается имя Джекки. Это мой муж. Крепко сдавливаю телефон в руке, но через пару секунд он замолкает. Экран потухает, погружая меня обратно в темновые блики. Смотрю на темный квадрат, не понимая, что хочу в нем разглядеть. Губы

пересыхают, покрываясь дергающей коркой. Поджигаю их и чувствую легкое покалывание, а после — привкус железа. Облизывая их, вновь подмечаю, что едва затянувшаяся рана лопнула на нежной плоти. Выключаю телефон, зажав кнопку на торце, и откладываю его на тумбу.

Повернувшись на бок, укрываюсь с головой и снова погружаюсь в свои мысли. Они темные, хаотичные, тяжелые.

В темноте разглядываю очертания рамки, стоящей на другой прикроватной тумбе. На фотографии я и Джек. Счастливая пара перед пышной свадьбой, которая так и не состоялась. Воспроизвожу в памяти черты лица мужа, оглядывая темноту и его приблизительное местоположение на фото.

Туманные воспоминания не дают разглядеть картину прошлого. Глаза болят от сухости.

Не выдержав, включаю ночник и встаю с кровати.

Я потеряла память полгода назад. И с тех пор меня мучают ночные кошмары. Мой психиатр говорит, что это временно и настанет день, когда я смогу вспомнить свое прошлое. Подвести черту и отпустить всю ту боль, которую испытываю изо дня в день. Сказать по правде, в большей степени я ему верю. Только вот на этом мои беды не заканчиваются.

Ступаю босыми ногами по холодному ламинату, прохожу по коридору дальше. Спускаюсь по лестнице.

В этом большом доме я чувствую себя одиноко. Кремовые стены давят, будто я нахожусь в черной коробке, которая с каждым моим шагом все уменьшается в размерах. Настанет день, и я вздохну с облегчением, освобожусь от оков своих нескончаемых кошмаров и войду в яркую и красочную новую жизнь. А пока мне нужно бороться со

страхом, отчаянием, одиночеством и тяжелым бременем, висящим грузом на моих плечах.

Автоматические бра загораются, когда я прохожу мимо них. Спустившись по лестнице, попадаю в просторную гостиную, в которой стоят огромный белый диван, большой телевизор и несколько горшков с карликовыми деревьями. Гостиная переходит в большую столовую, и я не понимаю, для чего она нам нужна такая необъятная, если гостей мы никогда не приглашаем. Огромный массивный белый стол возвышается в центре, к нему по всему периметру придвинуты восемь стульев.

Белый, кремовый, персиковый — все эти светлые оттенки напоминают мне тот день, когда я очнулась в больнице в ужасе от того, что не помню, кто я такая.

Дойдя до кухни и выпив стакан воды, выглядываю в окно. Там меня встречают лишь тишина с темнотой. Тусклое освещение от уличных фонарей охватывает некоторые участки земли, но большая часть покрыта мраком.

Перед глазами вновь возникает картина: коридор из красного кирпича, идущие рядом мужчины, и затем — слепящий свет. Ощущаю, как по телу расплзается ужасающая волна мурашек, которая пробуждает затаившийся кошмар в моих воспоминаниях.

Мотнув головой, отгоняю тревожные мысли и возвращаюсь обратно в комнату.

Спать совершенно не хочется. Всегда, после череды бессонных ночей, спустя пару дней является очередной кошмар, который выворачивает меня наизнанку. И каждый раз в приступе ужаса и паники мне кажется, что я теряю частичку себя, медленно сходя с ума.

Стараюсь прислушаться к звуку за окном, где сухая ветка стучит по фасаду.

Тук-тук. Один.

Тук-тук. Два.

Тук-тук. Три.

Закрываю глаза, погружаясь в пустоту мыслей, и сосредоточиваюсь на стуке.

Тук-тук. Четыре.

Тук-тук. Пять.

Проваливаюсь в темноту все глубже и глубже, пока меня окончательно не поглощает легкий сон.

Я снова вижу старый кошмар. Я в доме. Знакомом, с большими окнами и белесыми простынями, сдерживающими годовалую пыль. Сажу на стуле, связанная тугими веревками, и ощущаю кляп во рту. От сухости щиплет уголки губ. Передо мной туда-сюда ходят какие-то фигуры, но разглядеть их мешают слезы, льющиеся у меня из глаз. От страха практически не дышу. Раздается выстрел. Мне хочется закричать, но ничего не выходит. С жадностью глотая воздух, будто рыба на суше, я не могу ничего выдавить из себя. С каждой минутой меня все сильнее сдавливают веревки, а из-за кляпа я задыхаюсь. Раздается скрип деревянного пола, а потом — ужасающий меня голос. Низкий прокуренный тембр шепчет: «Игра началась, мышка!»

Я просыпаюсь, громко крича и вскакивая с постели. Дверь в спальню запахивается, и на ее пороге появляется подоспевший Джек.

— Солнышко, я рядом! — восклицает он, кидаясь ко мне и прижимая к себе. — Ш-ш-ш...

Убаюкивая меня, муж поглаживает мои волосы, шепча слова утешения. Я же не могу подавить истерику, захлебываюсь слезами, льющимися горьким водопадом, и чувствую, как от боли сжимается под ребрами сердце.

— Тебе снова приснился кошмар? — спрашивает Джек, касаясь губами моего лба.

— Угу, — кое-как выдавливаю в ответ.

— Я рядом, — говорит он, раскачивая меня из стороны в сторону. — Ты пила таблетки?

Ничего не ответив, я лишь киваю и сильнее прижимаюсь к его груди.

— Твои кошмары участились. Я позвоню завтра доктору Сэлби, хорошо?

— Ладно, — шепотом соглашаюсь я, честно пытаюсь успокоиться.

Муж встает с кровати и направляется к комоду. Вытащив из первого ящика прозрачный пузырек с капсулами, он протягивает его мне.

— Воды принести?

— Нет, — бубню я сквозь слезы и беру лекарство.

Вытащив одну капсулу и положив ее под язык, возвращаю ему остальные.

Это обычное успокоительное. С тех пор, как пришла в себя, кажется, я выпила столько пилюль, что и врагу не пожелаешь. Меня тошнит от одного слова «таблетки», но сейчас без них я вряд ли смогу самостоятельно прийти в себя.

— Солнышко, точно все хорошо?

На лице Джекки написана тревога. Я вытираю слезы, протягиваю к нему руки и сжимаю его ладони в своих.

— Все в порядке, правда. Это всего лишь кошмар.

И, глядя в бесконечно черные глаза супруга, я стараюсь подавить в себе тревогу.

— Когда ты приехал? — спрашиваю я, решив перевести тему.

— Я только зашел в дом, когда услышал твой крик, солнышко, — отвечает он. Мягкий тембр его голоса эхом отдается у меня в голове.

Джек поджимает губы, садится рядом и крепко обнимает меня за плечи. В этот момент ко мне приходит понимание, что он никогда не позволит моим демонам, которые уже полгода не дают нам обоим покоя, задушить меня.

Никто не может объяснить, что произошло той роковой ночью, после которой я забыла всю свою жизнь. Каждое утро мне кажется, что я что-то упускаю, какую-то маленькую деталь, которая смогла бы помочь мне вспомнить хотя бы малую часть моего прошлого. Джекки говорит, что в наш дом нагрянули бандиты, я получила пулевое ранение и меня чудом удалось спасти. «Пуля не задела жизненно важные органы, прошла в считанных миллиметрах от печени», — сказал врач, когда я открыла глаза в палате больницы. Однако, к собственному стыду, я этого не помню. В воспоминаниях сияет огромный пробел, который теперь разделяет мою жизнь на «до» и «после».

— Мия, ложись-ка обратно в постель. Сон ведь лучшее лекарство.

Поджав губы и ничего не ответив мужу, я покорно ложусь. Джек, не снимая одежду, устраивается рядом и тут же обнимает меня. Аромат его одеколona напоминает мне, что я в безопасности и со мной ничего не случится.

Мне немного совестно из-за того, что каждый раз, когда у меня случается приступ или снится один и тот же кошмарный сон, Джекки всегда рядом. Каждый раз. Каждый день. Каждую минуту. Потому что... я не чувствую к нему того же, что он питает ко мне. От этого совесть сильно гложет мой разум.

Постепенно я начинаю проваливаться в сон. «Успокоительное подействовало», — понимаю я и погружаюсь в безмятежное путешествие по пустоте...

* * *

Утром меня будит будильник. Потирая глаза, которые щиплет от сухости, обнаруживаю, что Джека уже нет. «Ушел на пробежку», — думаю я и, встав с кровати, направляюсь на первый этаж.

Спустившись по лестнице, оказываюсь на кухне. Налив в стакан прохладной воды, замечаю записку на холодильнике: «Не забудь поесть перед приемом таблеток. Люблю тебя. Дж.». Понимаю, что ночной кошмар не оставил сегодня темное пятно на моем настроении и я, к великому чуду, чувствую себя бодро.

Слабо улыбнувшись и приклеив бумажку обратно, решаю приготовить яичницу. Впрочем, сначала, конечно же, я иду в ванную и привожу себя в порядок, умываюсь и чищу зубы. Завершив привычные утренние ритуалы, возвращаюсь на кухню и принимаюсь колдовать над сковородой и яйцами, которые вскоре начинают шкворчать.

Ожидая приготовления пищи, включаю телевизор. По ТВ что-то неустанно вещает диктор — то про политику, то про разгоревшийся недавно скандал в каком-то издательстве, то про новый мировой рекорд... Все это звучит так монотонно, что очень быстро мне надоедает, и я переключаюсь на другой канал, где попадаю на фильм «Дневник Памяти». «Мой любимый», — отмечаю я про себя.

Делаю бутерброд с авокадо и сливочным сыром, выкладываю рядом на тарелку яичницу, наливаю кофе в кружку и усаживаюсь за стол.

Пока я поглощаю завтрак, заходит Джеки и с удивлением пялится на меня из самой прихожей, тяжело дыша.

— И это вы сами хотите все съесть, барышня?

— Да, а что?

Положив на язык кусочек, я демонстративно смакую его.

Мой муж медленно подходит к обеденному столу. Пот просачивается сквозь его белую облегающую футболку. Накачанное тело так и просит дотронуться до него, а темные татуировки лишь усиливают влечение.

— Тогда вас нужно немедленно арестовать за такой возмутительный поступок! — ворчит он сквозь зубы, облокачиваясь на спинку одного из стульев.

— А вы уверены, что у вас достаточно прав на подобное? — не отрываясь от еды, сверлю я Джека ехидным взглядом.

— Что ж, барышня... — Он медленно подходит ко мне, наклоняется и шепчет прямо на ухо: — Тогда мне придется увести вас в свою опочивальню!

Я улыбаюсь, встаю со стула и быстро убегаю от него со словами:

— Догоните, если сможете!

Джек сразу же срывается за мной, настигает у лестницы и стискивает в нежных, но крепких объятиях. Его мокрая от пота футболка липнет ко мне, и я, не удержавшись, с фырканьем ему говорю:

— Мужчина, вначале посетите душ!

— Только вместе с вами! — продолжая игру, рычит он в ответ и, поцеловав меня в шею, подхватывает на руки и несет на второй этаж.

ГЛАВА 2

ОН

— Господи, Сара! Ты всегда такая безмозглая?

После моих слов пухлые губы девицы, накачанные ботоксом, складываются в обиженную ухмылку, а зеленые глаза наполняются влагой. В конференц-зале томно гудит кондиционер, который раздражает меня.

— И как только Оливия с тобой работала? — жалобно бормочет она.

— Не смей сравнивать себя с ней! — цежу я и ударяю рукой по столу с такой силой, что девица вздрагивает. — Ты даже одного ее волоска не стоишь!

— Тогда почему ты со мной работаешь?

Ее писклявый голос выводит меня из себя. Я приподнимаюсь, наклоняюсь к ней и замираю всего в паре сантиметров от ее лица. Сара вжимается в стул и нервно сглатывает. Кошачий разрез ее глаз постепенно наполняется слезами. Выдержав небольшую паузу, я размеренно говорю:

— Уясни раз и навсегда, безмозглая ты блондинка: я просто вынужден работать с такими ущербными особями, как ты, и терпеть их тупые речи, пока не найду себе нормального редактора. Ты уже пятидесятая по счету из тех, кто пытается со мной работать. Если тебе невыносимо находиться со мной в такой рабочей атмосфере, то вали на хуй с моих глаз!

Придвинувшись к ней еще ближе и едва не касаясь губами ее губ, я тяжело дышу ей в лицо. Девушка замирает, будто восковая фигура. Она прекрасно знает, что любое нелестное слово в адрес Оливии будет стоить ей места под солнцем. Но до сих пор для меня остается загадкой лишь одно: с чего вдруг она такая борзая?

Отстранившись от нее, я все же слышу сорвавшееся мне в спину заявление:

— Вот поэтому она от тебя и сбежала!

«Сука», — думаю я, сжимая кулаки.

Мне хочется развернуться и высказать ей все, что я о ней думаю, но тут раздается стук в дверь.

— Войдите, — коротко разрешаю я, начиная расхаживать из стороны в сторону.

В дверях появляется Роуз, которая испуганно смотрит на нас и чуть слышно спрашивает:

— Я помешала?

— Иди развейся, — приказываю я Саре, и та послушно исполняет мое желание, демонстративно хлопая при этом дверью.

— Есть новости? — с ходу интересуется Роуз, прислоняясь к стене у двери.

— Никаких, — сухо произношу в ответ, уставившись в окно.

Хмурое небо низко нависает над городом, практически касаясь нижними пуховыми лапками верхушек высоток. Вдали виднеется еле различимый сломанный светофор, который мигает тремя цветами одновременно.

— Я тоже ничего не могу разнюхать... — горько признается она.

— Не лезь в это дело, — на автомате отвечаю ей, уставившись в одну точку.

Перед глазами всплывают улыбка Ви и ее россыпь огненных волос. От горьких воспоминаний сдавливает горло, перехватывает дыхание.

Сделав небольшую паузу, проглатываю все воспоминания, не дав слабине завладеть мной.

— Пожалуйста. Ради Оливии.

— Но я ее подруга!

— Не важно, кто ты для нее, — пробую переубедить ее, разворачиваясь и засовывая руки в карманы брюк. — Я виноват в том, что она пропала. Не ты, не Барри, не кто-либо другой. Только я.

— В одиночку всегда сложнее вести поиски, — парирует она, и мне известно, к чему все идет.

— Осторожно. А то я могу подумать, что ты неглупа, — сухо бросаю, смотря ей в глаза.

— Не будь таким говнюком, Майкл! Она мне тоже дорога!

Я знаю, почему Роуз так вызывается помочь. Ей известно. Ровным счетом так же, как и мне. И скорее всего, она делает это лишь для того, чтобы не опуститься в глазах своей подруги. Ее нужно осадить, и как можно скорее.

— Скажи, Роуз, — начинаю я, почесав затылок и продвинувшись к ней на пару шагов, — ты правда хочешь найти подругу или желаешь помочь мне, потому что мастурбируешь на мои фото и изнемогаешь от желания хотя бы раз попробовать, как я трахаю тебя, зажимая рукой твой похотливый рот?

В глазах девушки вспыхивает огонек гнева. Ее щеки стремительно наливаются румянцем, с головой выдавая смущение.

Все чаще замечаю, что размышляю о грубости, которую проявил когда-то по отношению к другим людям. Не знаю, с чего вдруг я стал настолько щепетильно от-

носиться к своему поведению. Даже сейчас почему-то мне хочется извиниться перед Роуз. Поздравляю себя за это чувство.

Смотрю на нее, закипающую, как чайник на плите, и тем не менее пробующую сопротивляться.

— С чего ты взял, что я мастурбирую на твои фото?

Открыто усмехнувшись ей в лицо, пожимаю плечами.

— От одного только упоминания о моих фотографиях ты краснеешь сильнее, чем помидор на грядке. Думаешь, я не вижу, как ты сохнешь по мне, вечно околачиваясь вокруг да около?

Я знаю, что Роуз мои слова выведут из себя, но от правды не скряться. Женщины (по крайней мере такие, как она) обычно не умеют скрывать симпатию к мужчинам.

Мне же подобные союзники ни к чему, ведь они лишь мешаются под ногами. Все поиски Оливии так или иначе ложатся на мои плечи. А такие клоуны, как Роуз, мне не нужны, даже для массовки.

Выпрямив спину, девушка выпячивает грудь вперед, и мне кажется, что далее она надует губы — ее коронный жест, который вечно бесил Оливию. Однако вместо этого она вдруг делает пару шагов вперед и влепляет мне звонкую пощечину.

— Меркантильный ублюдок, ты недостойн Ви!

Я стою неподвижно, принимая произошедшее как должное. Наверное, заслужил.

Вспоминаю себя год назад, когда таким, как Роуз, я и слово не позволял вставить в диалог, не то что поднять на себя руку. Порой схватывал от Маргарет щелбаны, но то Маргарет.

Ничего не отвечая, делаю вид, что мне безразлично. Никому нет дела до того, что творится у меня внутри, до того, что я чувствую и за что переживаю. Иногда мне хо-

чется закричать что есть сил. Прямо на людях. Вылить наизнанку всю свою прогнившую душу. Лишь бы хоть раз в жизни почувствовать облегчение в сердце...

Роуз еще раз одаряет меня свирепым взглядом и, резко развернувшись, выбегает из конференц-зала, громко хлопнув дверью.

Рухнув на кожаный стул, обхватываю голову руками. Каждый день я пытаюсь найти Оливию, любую зацепку или ниточку, за которую можно ухватиться. Но ничего, что могло бы мне помочь, не вырисовывается на горизонте.

На носу выход новой книги, которую я написал с горем пополам. Точнее, выплюнул из себя, чтобы не занимала мои мысли.

После того дня, когда в Ви попала пуля, я ее больше не видел. Ее след потерялся, как капля воды в море, не оставив ни зацепок, ни намеков — ровным счетом ничего. Она испарилась. Последнее, что я видел — это то, как Оливия медленно рухнула на пол, держась за живот окровавленной рукой. Я каждый день вижу это в непрекращающихся кошмарах. Я постоянно ощущаю стойкое чувство усталости и гнева, с которым засыпаю и просыпаюсь. Мысли о том, что я не смог ее уберечь, буквально съедают меня изнутри. Я ни на одну секунду не могу перестать думать о ней. Прошло уже полгода, и Шон твердит, что нужно готовиться к худшему. Я стал рассеянным и теряю авторитет в городе. И я понимаю это. Бремя, которое я сам взвалил на свои плечи, теперь кажется мне неподъемным.

Тяжело вздохнув, смотрю на часы. Три часа. Через час у меня встреча с инвестором. А еще нужно просмотреть последние правки перед отправкой книги в типографию.

Встав с кресла, направляюсь к Саре. Та, сидя на своем месте, что-то активно печатает в телефоне.

Оглядевшись, не в первый раз обращаю внимание на интересную вещь, которую заметил уже давно: как только я захожу в любое помещение в издательстве, все присутствующие там разом замолкают. И это меня теперь уже не забавляет, а раздражает.

Впрочем, стараясь не обращать внимания, я направляюсь к выделенному мне редактору. Придвигаю к ней стул и присаживаюсь рядом. Не отрываясь от какого-то очень важного для нее дела, она продолжает меня игнорировать. «Вот сука», — мысленно ругаюсь я и громко и раздраженно замечаю:

— Одна минута моего времени стоит дороже, чем ты получаешь в неделю. Может, наконец отвлечешься?

Но Сара, по-прежнему не обращая на меня совершенно никакого внимания, продолжает залипать в мобильник. Не выдержав, я вырываю его у нее из рук и бросаю в ближайшую урну.

— Это моя вещь! Кто тебе разрешил... — восклицает она, но прерывается на полуслове и смотрит на меня возмущенным взглядом, разом выпрямив спину.

— Ты внесла правки? — отрывисто спрашиваю я, давая понять, что со мной такие выкрутасы не проходят.

— Да... Ну, то есть...

— Так да или нет?

Пододвинув ее кресло вплотную к своему, я лицезрею, как она дрожит. «Пытается быть храброй, глупая», — мысленно отмечаю я, продолжая сверлить ее глазами. Ловлю себя на мысли, что мне изрядно надоел этот цирк и то, как халатно работает Сара, бездельничает и думает, что, раз ее взяли на такой высокий пост, значит, она может делать все, что пожелает.

— Ну, — жалобно бормочет Сара, — я еще не до конца успела...

«Я еще не до конца успела», — прокручиваю в голове последние слова этой маленькой змеюки, которая высала у меня за двадцать минут все остатки нервов.

— У тебя, мать твою, была целая неделя, чтобы справиться с одним чертовым авторским листом! — говорю я, срываясь и повышая голос, а затем встаю и возвышаюсь над ней. — А ты и с этой задачей не справилась?

Она вжимается в кресло, виновато глядя на меня исподлобья.

— У нас книга скоро выходит, бестолковая ты мразь! — кричу я на нее. — А ты не можешь отредактировать всего один авторский лист!

Ее коллеги тем временем прячутся за своими мониторами и с усладой слушают наш напряженный диалог.

Меня разрывает ярость. Она, как бурлящая лава, растекается жгучими языками пламени по венам, готовая вот-вот вырваться наружу. Сжав кулаки, я из последних сил удерживаю это чувство внутри себя.

— Я сделаю это сегодня, — жалобно лепечет девица, теперь уже не поднимая на меня своих изумрудных глаз.

— Поздно, зайка. Ты уволена!

Я хватаю стул, на котором недавно сидел, и с силой бросаю его в окно. Разбитое стекло звенит и рассыпается на мелкие осколки, а стул вылетает на улицу и с грохотом приземляется на асфальт. Все падальщики, которые жадуют зрелища, с испугом в глазах выглядывают из-за своих мониторов. «Какие же вы все ущербные», — мысленно обращаюсь я к ним, напоследок окидывая взглядом весь отдел, и развернувшись, удаляюсь прочь.

Мне преграждает путь Фэдди. Или Фредди. Черт побери, никогда не запомню его имя. Хиленький паренек, от которого несет пóтом.

— Я бы извинился на твоём месте, — говорит он, складывая свои веточки рук на груди.

— Долго набирался смелости, чтобы сказать мне это в лицо?

Фредди дрожит, отлично изображая банный лист на ветру, и я подумываю, что он мог бы получить «Оскар» за роль второго плана.

По-ребячески выпрямив спину, парень поднимает свои свинячьи глаза на меня.

— Уйди с дороги, — говорю я ему, отводя его рукой в сторону.

Фредди хватается за руку. Его сила сравнима, наверное, с укусом комара, и я не сразу замечаю это. Понимаю, что он хочет показаться перед Сарой или другой какой-нибудь женщиной изысканным джентльменом, попробовав пристыдить меня, но, увы, у него это не получится. С легкостью разворачиваюсь и, взяв этого молоко-соса за шкурку, одним движением головы мечу в его нос. Как только мой лоб касается его носа, я слышу характерный хруст. Фредди воеет, как белуга, мгновенно обхватив руками лицо, и сгибается пополам. Но мне некогда наблюдать за этим.

Поправив пиджак, направляюсь к лифту, покидая прозрачную тишину отдела художественной литературы.

Лоб немного дергается от того, что пришлось проучить того сосунка, поэтому, оказавшись в машине, ищу в аптечке обезболивающее. Открыв бутылку воды, запиваю белую пилюлю.

Несколько секунд пытаюсь сосредоточиться, положив руки на руль. По парковке струится теплый свет панельных ламп, которые слегка освещают стоящие автомобили, создавая унылую картину. Мысли путаются в голове,

сплетаясь воедино, словно звенья металлической цепочки, желающие опутать изорванную душу.

Еду не спеша, утопая в пасмурном настроении хмурого Крейгена. В это время года чаще идут дожди, нежели стоит сухая погода. На деревьях кучкуются набухшие почки, что предвещает скорое наступление лета.

Оглядываюсь на соседнее сиденье и понимаю, что забыл документы в издательстве. Припоминаю, что, скорее всего, оставил их на столе у Барри. Набираю ему, ставя телефон на громкую связь. Гудок. Второй. Третий. Четвертый. На пятый слышится встревоженный голос Барри:

— Здорóво, Майкл! Ты тут...

— Здорóво, — обрываю его. — Да, забыл документы у тебя на столе.

— А, ты об этом...

Пауза Уокера нагнетает дурные мысли, ибо я знаю, что сейчас последует нотация про увольнение Сары.

— Да, убери их, пожалуйста, в ящик, я заберу их завтра.

— Зачем ты уволил Сару? — спрашивает Барри, как мне кажется, игнорируя мои слова.

— Она не выполняет свои обязанности. У нас сдача книги на носу, а мисс Пергор не в состоянии отредактировать один авторский лист.

— Я слышал об этом, — сухо подмечает Барри, еле слышно вздохнув в трубку. — Но мы не сможем найти замену так скоро.

— Я справлюсь сам.

— А Фредди за что получил?

— Слишком много открывал рот.

Останавливаю машину на красный свет. В трубке слышится сопение Уокера. По переходу идет пара, держась за руки и что-то воодушевленно обсуждая. Перевожу взгляд

на встречные машины, которые с такой же безмятежностью ожидают зеленый свет.

— Я поговорю с ним.

В голосе Барри проскальзывает печальная нота. Как легкая трель в конце музыкального произведения.

— Я польщен.

— Я положу твои документы в стол... Что ж, будут новости — звони.

— Ок.

«Будут новости — звони», — повторяю про себя слова Барри, ясно понимая, что он имел в виду. Мне бы и самому хотелось услышать что-нибудь новое из уст своих информаторов, а не очередное «ничего».

Тяжело вздохнув, трогаюсь с места, скользя по извиляющейся, как змея, улице, ведущей меня через город.

* * *

До места встречи доезжаю стремительно. Выкурив сигарету, прохожу через ресепшен, чтобы сообщить, что я к Лео Кастерли.

За эти полгода — самые страшные полгода, которые я провел без Оливии — мне приходится рассчитывать в одиночку за все, что я содеял. Нелегальный бизнес вянет на глазах, а мы не можем найти одну махонькую сошку, которая распространяет гниль внутри коллектива. Теперь нам с Шоном приходится проверять каждого на вшивость.

Шон не отошел от дел, нет, наоборот. Наверное, за долгие годы после того, как я разорвал отношения с Вилли и своим темным прошлым, Шон стал единственным человеком, который всегда придет на помощь. И, черт возьми, я ему благодарен за это.

Поднимаюсь на шестой этаж типичного зеркального офиса, который пестрит пафосом из каждого угла. Я стою

в кабине зеркального лифта, облокотившись на металлический поручень, запрокинув голову назад и отстукивая ногой секунды. Легкая мелодия действует на нервы. Как только женский голос сообщает из маленького динамика, что лифт пришел на нужный этаж, с тяжестью в мышцах отдираю себя от холодного поручня и выхожу из кабины.

— Добрый день! — лучезарно улыбается девушка, сидящая за большой стойкой ресепшена. Видны только ее глаза, зализанные волосы и высокий конский хвост.

— Я к Лео Кастерли.

— Знаю, знаю! Пойдемте, я вас провожу.

Девушка поднимается из-за стойки и берет в руки какую-то папку.

— Я помню дорогу, — огрызаюсь на нее.

Не дождавшись ответа, следуя в кабинет Лео, который находится практически сразу за ресепшеном. Трижды стучу в дверь и открываю ее.

Лео — один из первых людей, влившихся в мой бизнес. Не сказать, что я чертовски доволен тем, что поднял это «корыто» с колен и открыл филиалы во многих других городах, но все же Лео — один из немногих, в ком я уверен. Был. До определенного момента.

— А, Майкл! — восклицает тот, поднимаясь из-за стола.

Его кабинет мне всегда нравился больше, чем общая обстановка в офисе. Огромные окна выходят на небольшой парк точно так же, как в издательстве «Уокер и Ко». Весь кабинет выполнен в шотландском стиле — ничего не прибавить и не отнять. Двухместный диван располагается слева у входа. По центру, ближе к окну — письменный стол, а напротив — два кожаных темных кресла, между которыми стоит низкий журнальный столик. Слева — три больших шкафа со стеклянными дверцами, в кото-

рых хранятся аккуратно сложенные папки, а справа, на белой стене, висят грамоты и пара полок с наградами его дочери и несколькими растениями.

Лео работает в фирме по производству рекламных баннеров, которая в последнее время начала поддавать обороты по прибыли. Безусловно, он мастер своего дела. Ему уже за тридцать пять, а бизнес он получил в наследство от своего дяди, который умер скоропостижно. Была ли это естественная смерть? Вряд ли. Лео слишком хитрый и скользкий человек, чтобы упустить возможность завладеть единственным бизнесом.

Подхожу к его столу, и мы обмениваемся крепкими рукопожатиями.

— Здорóво.

— Виски?

— Нет, — отрицательно качаю головой. — Я за рулем.

— Когда тебя это останавливало? — ехидно замечает Лео, усаживаясь обратно за стол.

Я плюхаюсь в кресло и расслабляю все мышцы тела. Худощавый мужчина с впалыми голубыми глазами смотрит на меня, сложив тонкие пальцы рук в замок. Чересчур короткая стрижка и выбритые виски придают его квадратному лицу грузность. Любой пиджак, какой бы Лео ни купил, всегда ему великоват в плечах, но это не смущает его. Он ниже меня на целую голову и остер на язык. Как мы с ним сдружились? Хороший вопрос. Мы чем-то похожи. Он так же, как и я, кое-как выкарабкался из чертовой дыры беспросветной жизни. Скорее всего, это нас и сблизило.

Расстегиваю одну пуговицу на пиджаке и даю себе вдохнуть полной грудью.

— Я тут по делу.

— Да, Шон сказал, что ты забыл документы...

— Я и без бумажек отлично помню, зачем к тебе приехал.

Лео задерживает на мне любопытный взгляд, едва заметно облизывая тонкие губы. Эта привычка чересчур женственна, быть может, он перенял ее у своей нервной жenuшки.

— Я тебя слушаю, — говорит он своим гнусавым голосом.

— Ты ведь знаешь, что ходят слухи о том, будто я теряю авторитет?

Исподлобья замечаю, как Лео сдавливая замок из пальцев сильнее.

— Слух слуху рознь, — тихо отвечает он. — Что конкретно ты хочешь от меня?

— Я прихожу к тем, кто со мной под одним крылом, лишь за одним — за информацией.

— И какую ты хочешь получить от меня информацию?

— Даже не знаю, — утомленно вздыхаю я. Ненавижу вопросы, которые частенько любит задавать Лео. — Скажи мне, как ты думаешь, кто распускает такие слухи?

Мужчина поднимает указательный палец и смахивает что-то с левой ноздри, наклонив голову набок.

— Те, кто тебя сдал, давно лежат в могиле.

— Неправильный ответ, — говорю ему, ерзя в кресле. — Я знаю, что этот омерзительный слух ты слышал от кого-то своими ушами.

— Майкл, сколько лет мы с тобой вместе?

— Не переводи стрелки!

Лео напрягается. Вена на его шее пульсирует, и мне ничего не остается, как отнести свои опасения на его счет.

Понижаю голос, стараясь удержать в себе нарастающий гнев.

— Если ты знаешь, кто распускает слухи, тебе лучше сказать.

— Я не знаю, — выдыхает он, но его голос дрожит. — Если бы знал, то донес бы тебе. Думаешь, я бы стал с тобой стоять на одной веревке, если бы не был уверен в твоём лидерстве?

— Ты бы при первой же возможности сбежал, как крыса с тонущего корабля. Не строй из себя того, кем ты не являешься.

Лео хмурится, сдвигая брови. Вижу, как он тяжело дышит, раздув ноздри. Он взбешен моими обвинениями. Кому понравится, что ему лукавят в ангельское личико, омрачая его клеветой.

— А я думал, что мы друзья. — Сухость его ответа лишь подтверждает мои догадки. — Слышать такое от того, с кем идешь рука об руку, знаешь ли, очень неприятно.

Окидываю взглядом его «стену почета». Насчитываю примерно двадцать грамот, которые висят рамка к рамке, отражая стеклом дневной свет. «Слышать такое от того, с кем идешь рука об руку, знаешь ли, очень неприятно...» — мысленно повторяю его слова, словно сам себе пытаюсь доказать обратное.

— Ты же знаешь Ларри, не так ли?

От этого имени Лео меняется в лице. Губы слегка приоткрываются, будто он хочет что-то сказать, но не решает-ся. Его плечи поднимаются ровно, но видно, что дыхание сбилось из-за учащенного пульса, который бьется на шее.

— К чему ты клонишь?

Я его раскусил. Лео понял, что я в курсе об их недавней встрече прямо в этом кабинете. На том стуле, на котором сейчас сижу я, возможно, и сидел Ларри, самый крупный наркобарон Крейгена. Сказать по правде, с тех пор, как отошел от дел, я его не видел.

— Я всегда знал, что все возвращается бумерангом, но знаешь ли... — Встаю с кресла, замечая, с какой невероятной нервозностью наблюдает за мной Лео. — Никогда бы не подумал, что его направляешь ты.

— Ты говоришь загадками...

— А ты подумай хорошенько, и загадок не будет.

Подхожу к стене. Мой взгляд привлекает фотография, где Лео стоит со своей дочкой. Я знаю, что с малых лет Лео водит ее на фигурное катание, и малышка уже показывает отличные результаты в столь юном возрасте. Засовываю руки в карманы, внимательно разглядывая фотографию.

— Я не распускал слухи о тебе, Майкл, — оправдывается Лео. — Да, новый Ларри был у меня в офисе, но ты ведь знаешь, что от такого прошлого никому из нас не отмыться.

«Новый Ларри»... Анализирую его слова, не понимая, что он имеет в виду.

Однако мое внимание занимает другое. С фотографии на меня смотрит хрупкая девочка в костюме цвета морской волны. Она похожа на Лео. В руках сжимает кубок, а на шее висит золотая медаль.

— Он попросил меня об одолжении, так скажем... Занять небольшую сумму денег.

Лео нежно обнимает дочку за плечи, а на лице запечатлена отцовская гордость за это хрупкое чудо.

— Но я ему отказал...

— Забавно, — перебиваю его, распрямив плечи. — Говорят, что родители воплощают в своих детях несбывшиеся мечты и нереализованные амбиции. Ты хотел посвятить себя спорту?

— Нет, — твердо отвечает Лео. — Это была идея жены.

— Твоя дочь, должно быть, вырастет красивой женщиной.

— Не трожь Кэтрин.

Лео встрепнулся, чем заставил меня взглянуть на него.

— Я всего лишь сделал комплимент.

— Ты пришел сюда рассуждать не о моей семье!

— И то правда, — соглашаюсь с ним.

— Ты говоришь, что не стоит прикидываться тем, кем не являешься. Так вот...

Я понимаю, что в одной только фразе, в обычном комплименте, пускай и лживом, Лео почувствовал угрозу и тем самым вынул скелет из своего шкафа.

— Не думай, что я тебя боюсь.

— Поэтому ты так активно распускаешь слухи под крылом «нового Ларри», который заверил тебя о том, что ты в безопасности? Безопасность от самого злостного торчка на районе — не лучшая сделка купли-продажи. И вообще, с чего вдруг ты называешь его «новым»? Он что, перестал долбиться?

— Кто бы говорил!

Лео ерзает на офисном кресле, словно ему на сиденье подложили горох, и теперь он вонзается ему в пятую точку. Он сжимает ручки кресла настолько сильно, что белеют костяшки пальцев.

— Ты сделал неправильный выбор.

— Не тебе судить о том, что правильно, а что нет, когда ты сам не святоша.

— Правда? — с изумлением смотрю на мужчину, выгнув бровь. — Все мы не святые.

— Ты уж точно не лучше меня. Или ты забыл? — Лео поднимается с кресла и неторопливо идет в мою сторону. — Ты утрачиваешь авторитет потому, что дал слабину, когда спутался с той рыжей.

Тщетно стараюсь расслабиться и не выказать ни единой эмоции. Понимаю, что, если сейчас, под агрессив-

БЕЗ ПАМЯТИ

ным давлением Лео, я дерну хотя бы одним мускулом, это будет расценено как согласие с тем, что я вскоре лишусь авторитета окончательно. В таких важных разговорах следует думать, прежде чем что-либо предпринимать.

— С той, от которой твой мозг выключился разом. Но да, тут не поспоришь — недурственная деваха, вышла и умом, и фигурой. Но ты забываешь об одном нюансе: бизнес, который ты поднял с колен, — это нереализованный проект Ларри, который он отдал твоему брату Бену как своей правой рукой. И обидчивый братец принял решение, что не стоит делить его с тобой, потому что жадность душила и душит тебя.

Лео останавливается в двух метрах от меня, точно скопировав мою позу: прямая спина, ноги на ширине плеч, руки в карманах. «Жалкий подражатель», — определяю про себя, продолжая наблюдать за Лео.

— И как только подвернулась огромная возможность, ты с неподражаемой легкостью подставил Бена и завладел его бизнесом. И тебя стали обожать за невозмутимость, которой нет у Бена. За ум, протрезвевший после того, как ты соскочил с порошка. И за свинцовые обеты, которые ты осуществляешь в срок. — Лео приставляет указательный палец к губам, что-то мысленно представляя, отчего на его губах появляется удовлетворенная усмешка. — Но ирония заключается в том, что Ларри нет в живых уже больше года. А ты до такой степени слеп, что из-за своей меркантильности и высокомерности не видишь ничего дальше своего носа. Слухи распространяю не я. Они сами проистекают из твоего поведения, хочешь ты этого или нет.

ГЛАВА 3

ОНА

— Когда выйдешь с йоги, пожалуйста, позвони мне, — заботливо говорит Джек, стоя в дверях.

— Обязательно!

Не успеваю обвить его шею руками, как он тянется за очередной порцией поцелуя.

— Тебе было мало?!

Муж притягивает меня к себе и томно вздыхает, ослепительно улыбаясь. От его харизмы не раз кружилась голова. Эта улыбка, глаза, выглядывающие из-под рубашки татуировки — все это кажется одновременно родным и в то же время незнакомым.

— Иди, а то на работу опоздаешь, — шепчу сквозь жаркий поцелуй и, разомкнув наши губы, отстраняюсь от него.

Наверное, есть что-то романтическое в том моменте, когда женщина провожает взглядом своего мужчину. Что-то невесомое и возвышенное, настолько легкое, что не сразу замечаешь такую мелочь. Смотрю, как Джек садится в черную «БМВ», поправив пиджак, и когда машина уезжает, пару секунд спустя закрываю дверь.

Как только кошмары участились, перепады настроения стали моим вторым я. На душе скребут тысячи кошек, раздирающих мои внутренности в клочья. Моральное

истощение дает свои плоды, как бы я этого ни избегала. Понимаю, что сейчас, как никогда, мне необходима душевная перезагрузка.

Не успев дойти до кухни, чувствую жужжание телефона в кармане. Вижу на экране СМС от Джека: «Не могу перестать думать о твоём теле». Многие считают, что получать такие сообщения очень мило. Я же ощущаю невообразимый стержень отвращения, словно его поведение нервировало меня всегда. «Еще и пяти минут не прошло, а он уже соскучился», — мелькает мысль в голове, которая исчезает так же быстро, как желание что-либо отвечать.

* * *

Занятия по йоге проходят три раза в неделю в центре города. Меня записал на них Джек с воодушевленными словами о том, что в гармонии с собой я смогу наконец-то вспомнить свою прошлую жизнь. Однако идет уже третий месяц занятий, а я, как ни крути, ни капельки не чувствую ту самую гармонию, о которой все так неустанно трещат.

Ровно в одиннадцать часов за мной приезжает машина. Ни минутой раньше, ни минутой позже. Личный водитель Джека возит меня в те дни, когда у мужа нет важных встреч. Зовут его Ларри.

Мне не нравится ездить с ним, он пугает меня своим видом. Двухметровый бритоголовый амбал с квадратным лицом и широкими плечами. На левой щеке — глубокий шрам от пореза. Мясистый нос, который был переломлен не один раз, горбится по центру переносицы. Из-под косматых бровей выглядывают маленькие круглые глаза, как у свиньи, а взгляд свиреп, как у хищника. Так он и взирает на меня через зеркало заднего вида во время каждой поездки — равнодушно, словно я пустое место, — и этот взгляд почему-то пробирает до костей.

Когда он звонит в дверь, а после, сложив руки перед собой в замок, ожидает меня, я каждый раз ловлю стойкое ощущение страха и гнета хаоса, но не могу разобраться почему. Он постоянно молчит, не скажет лишнее слово, будто боится исчерпать лимит словарного запаса.

— Доброе утро, Мия.

Сиплый голос Ларри пробуждает ужас, как только я открываю дверь.

— Доброе утро, — отвечаю я и, передав ему в огромные руки спортивную сумку, спешу закрыть дверь.

— Хороший денек, не правда ли?

Я в недоумении. Прежде Ларри никогда не обсуждал со мной погоду. Хороший ли день, плохой ли, дождливый или жаркий — ему всегда было все равно.

Поворачиваю ключ в замочной скважине и, развернувшись, тихо произношу:

— Лучше, чем вчера.

Ларри уже отошел к машине, поэтому вряд ли меня слышит. Кинув сумку в багажник, он с силой закрывает его, потом подходит к задней двери и учтиво открывает ее передо мной. Беззвучно роняю «спасибо», едва шевеля губами, усаживаюсь на заднее сиденье и пристегиваюсь.

Водитель ставит легкую классическую музыку, и мы трогаемся с места. Завести разговор, а тем более поддержать его, сегодня у меня нет ни сил, ни настроения. Утыкаюсь взглядом в окно и смотрю на меняющиеся картинки города.

— Вам нехорошо? — спрашивает Ларри, смотря на меня в зеркало заднего вида.

От неожиданного вопроса я вздрагиваю.

— Все в порядке.

— Вы, если что, говорите, а то босс с меня три шкуры сдерет...

— Хорошо.

Остальную часть дороги мы едем молча, лишь изредка встречаемся взглядами через зеркало.

* * *

Центр йоги находится на одной из главных улиц Мейджора. Это одна из самых престижных и дорогих улиц, здесь расположены самые лучшие спортивные центры и магазины. Здесь шумно, людно и много машин.

Ларри паркует машину у входа и выходит, чтобы открыть мне дверь. Я лениво выползаю из салона, ожидая, когда водитель достанет сумку из багажника. Как только он поворачивается в мою сторону и протягивает мне сумку, с его уст срывается тихое:

— Хорошего вам дня.

— И вам, — единственный ответ, на который я способна.

Быстро переодеваюсь в раздевалке. Ровно в назначенное время, как самые точные часы, я распахиваю огромную зеркальную дверь и вхожу в зал. Мои занятия проходят индивидуально, и Джуди уже ждет меня, как всегда, лучезарно улыбаясь.

— Доброго утречка!

Мелодичный тонкий голос тренера разносится по тихому залу, ударяясь о стеклянные стенки.

— Доброе.

Джуди моя ровесница, окончила спортивный вуз. Несколько лет работала учителем физкультуры, а потом ударилась в йогу. Она стройная высокая девушка, быстрая и юркая, если можно так сказать. Темные волосы собраны в высокий хвост, на овальном лице — большие карие глаза и острый носик. Когда я смотрю на нее во время небольших перерывов, всегда восхищаюсь ее изящностью

и нескончаемым воодушевлением, которое она привносит и в мою жизнь.

Ставлю сумку на пол рядом с большим зеркалом и начинаю разминаться. Джуди не обращает на меня никакого внимания, продолжает смотреть в окно, выходящее на оживленную улицу.

В большой толпе я начинаю теряться, в особенности если стоит оглушающий гул или, наоборот, мертвая тишина. Поэтому я знаю, что она мне вновь предложит — попробовать себя в совершенно другом формате, чтобы разработать социализацию. Однако мы с мужем пока против такого формата.

Почему-то в голове всплывает тревожное воспоминание, как я впервые пришла на групповое занятие. Тогда, помнится, был другой преподаватель, и он пытался сблизить присутствующих между собой путем знакомства. И вот тогда у меня случился первый приступ паники. Миловидная девушка, которая младше меня лет на пять, спросила, откуда я. Чудовищное ощущение тоски сдавило ребра так, что я едва могла дышать. Девушка не поняла, почему я не помню свое прошлое, и бессовестно начала лезть в мою жизнь. С тех пор я и не хожу на групповые занятия.

— Тебе лучше?

Этот вопрос Джуди задает каждый раз при встрече. Она усаживается рядом со мной, на расстоянии полутора метров.

— Немного.

Поджав губы, я снова вру ей о своем самочувствии. Мне не становится лучше, только хуже.

Джуди садится в свою любимую позу лотоса, выпрямляет спину и аккуратно берет мои руки в свои. Легкий